

Патриаршие пруды —
вблизи и вдали

Ирина Алмазова

Ирина Алмазова

**Патриаршие пруды –
вблизи и вдали**

«Издательские решения»

Алмазова И.

Патриаршие пруды – вблизи и вдали / И. Алмазова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907345-7

Яркость воспоминаний и искусство рассказчика органично сочетаются в искренней и точной мемуарной прозе доктора Алмазовой. Никто не может прожить сразу две жизни; но, прочитав эту книгу, вы ощутите, как незаметно и неотвратимо её жизнь стала немножечко и вашей, а ваша — обогатилась теми знаковыми событиями эпохи, которые произошли с автором этого удивительного и доброго повествования.

ISBN 978-5-44-907345-7

© Алмазова И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Патриаршие пруды в нашей жизни	7
Сталинская авиация в нашей жизни	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Патриаршие пруды – вблизи и вдали

Ирина Алмазова

© Ирина Алмазова, 2018

ISBN 978-5-4490-7345-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Дорогие читатели! Эта книга написана в виде монологов, обращённых к читателю. По мере того, как я писала, вспоминались те или иные события моей жизни, жизни моих родных и друзей. Когда же я систематизировала все свои «записки», то поняла, что написала про «свой 20-й век».

Так сложилось, что волею судьбы я оказалась в водовороте многих исторических событий 20-го века. Ведь даже моё рождение и жизнь на Патриарших прудах само по себе уже событие.

Я написала о том, что было моими личными переживаниями, болью и, наоборот, радостью. Некоторые из «записок» были опубликованы в израильском «Магазине Вести» и были встречены с интересом.

Я надеюсь, что вам, моим читателям, тоже будут интересны эти «записки».

Я уверена, что многие описанные мною события происходили и в вашей жизни, в особенности людей, рожденных в 30—40-е годы. Может быть, прочитать это будет интересно и людям моложе, чтобы узнать о жизни поколения их родителей, бабушек и дедушек. Ведь История, тем более, недалёкая, всегда интересна. Я очень советую всем вам написать и о своей жизни. Ведь чем больше фактов, тем ярче картина истории любого времени.

Спасибо.

Ирина Алмазова

Ирина Алмазова

Патриаршие пруды в нашей жизни

*Вот эта повесть ясная не очень,
Она туманна, как осенней ночью
Туманны Патриаршие пруды.
Е. Евтушенко «Патриаршие пруды»*

*Мы с тобою станем старше
Загрустим, начнём сидеть,
На прудах, на Патриарших
Не придётся нам сидеть.
И. Уткин «Философское»*

*В час заката на Патриарших прудах появились двое мужчин...
М. Булгаков «Мастер и Маргарита»*

Что же такое эти знаменитые Патриаршие пруды?

В самом центре Москвы есть одно заповедное, романтическое, а теперь и суперэлитное место – бульвар на Патриарших прудах. Пруд, он, собственно, один. По легенде раньше там была система прудов, где разводили рыбу, поставлявшуюся к патриаршему двору. Есть ещё легенда, что на улице, соседней с бульваром, когда—то был дом патриарха. Я прожила на Патриарших прудах всю свою сознательную, даже несознательную жизнь, до отъезда в Израиль в 1990 г. В моём детстве эти пруды назывались Пионерскими и переулки вокруг прудов тоже были Пионерскими. Я родилась на Большом Патриаршем переулке, жила на том же месте, но это был уже Большой Пионерский переулок, потом – улица Адама Мицкевича, а теперь снова Большой Патриарший переулок. Моя племянница Ляля обнаружила, к великому её изумлению, что древнее название переулка – Алмазников! Точно, что это наш – Алмазовых переулок.

Патриаршие пруды – это сочетание «карре» пруда и бульвара вокруг него. Бульвар с липами, которые в июле благоухают потрясающим романтическим ароматом. Мне когда—то одна знакомая парижанка привезла в подарок духи «Soir de Paris» («Вечер в Париже»). Это был один в один запах лип на Патриарших прудах.

Моя подруга Инна Галинская, (а теперь Фридлянд), которая сейчас живёт в Америке, всегда говорила, что «девочки с Патриарших прудов это особая раса». Возможно. Мои подруги с Патриарших – они «элита», не в смысле их принадлежности к верхам, а в смысле их интеллигентности. Это «рафинированные девочки», то есть для них главное не быт и не «тряпки», а духовная жизнь. «Но наша песня не о том». Я думаю, что этот кусочек Москвы, как бы олицетворял ту прелесть «одноэтажной» Москвы, то достоинство, которое в ней было и это делало Москву уникальным городом. Но эту прелесть разрушали во все послереволюционные периоды. К сожалению, все властители страны разрушали Москву и строили что—то, в соответствии со своими моральными и эстетическими понятиями. На Патриарших сносили маленькие дома, в одном из которых, опять же по легенде, находились масонские ложи, посещаемые Л. Н. Толстым и описанные им в «Войне и Мире». Кстати, дом, в котором я жила с самого рождения, тоже был построен на месте маленьких домов.

Патриарший пруд

Мы много гуляли на Патриарших. Сначала с нянями, потом с подружками, потом были романтические посиделки юности, потом мы «выгуливали» своих детей, потом уже внуков. У меня внуков тогда ещё не было, но была племянница Ляля и я её «выгуливала». У нас было выражение «обмотать Патрики», то есть обойти несколько кругов вокруг пруда. На пруду летом плавали лебеди. Прилетали утки из недалёкого Зоопарка. Периодически на пруду были лодки, катание на которых была целая «аттракция». Лодок было много, была толкотня. Я помню, как —то ещё в детстве мы катались с моим кузеном Лёней, с нами стали задираться какие—то парни. Лёнька и они толкались лодками, били вёслами по воде. Я была уже вся мокрая и — о, ужас, моё новое платье становилось всё короче и короче и, когда мы пристали к берегу, я была уже более, чем в «мини», чего ещё вообще не было в моде. Я в ужасе бежала домой. Синтетика тогда только появилась. У Бидструпа есть картинка тех времён: новая рубашка папы после стирок становится всё меньше и переходит от папы к маме, от мамы к сыну, от сына к дочке, от дочки к собачке. На пруду стоял павильон типа «ампирного» домика, где зимой была раздевалка, так как там был каток.

В институтские годы мы с подругой Талой Чанышевой иногда готовились вместе к экзаменам на бульваре. Мы встречались в 7 или 8 часов утра, на бульваре было тихо, светило солнце сквозь листву лип, было очень хорошо. Мы учили часов до 10—11. А потом появлялись в изобилии дети с нянями или группами с руководительницами, которых звали «фрёблички», по имени немецкого учёного Фридриха Фрёбеля, предложившего групповую систему воспитания малышей и впервые создавшего детские сады. Омрачало наши занятия на бульваре то, что мы были вынуждены долбить «Капитал» Маркса.

А ещё на бульваре был воздвигнут многофигурный памятник великому баснописцу И. А. Крылову. Мы с детства привыкли к виду Крылова довольно старого, грузного, а на памятнике молодой высокий мужчина, полулежащий в кресле. Вокруг памятника расположены двенадцать досок с изображениями героев басен Крылова. Облик Крылова был явно странен и непривычен. Однажды один наш друг, гуляя с дочкой на Патриарших, изменил песню: «А Ленин такой молодой» на «А Ваня такой молодой и юный на кресле сидит»! Распевая эту песню, они маршировали вокруг памятника. Эти скульптуры зверей не давали покоя хулиганам. Они их регулярно калечили — сворачивали шею Лебедю, выламывали очки у Мартышки, крали сыр у Вороны и т. д. Руководству района приходилось систематически ремонтировать этот памятник.

Кто же гулял на Патриарших прудах? Вы, конечно, помните начало гениального романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

«В час заката на Патриарших прудах появились двое мужчин». Роман этот ещё и мистический. Его мистика и в том, что никто из старожилов района не помнил, ходил ли здесь трамвай. Было точно известно, что трамвай ходил по Б. Садовой, где в доме №10 была знаменитая «нехорошая квартира». Но трамвай на Патриарших? А там ведь отрезало голову Берлиозу!

Моя «старожилка» мама тоже не могла точно сказать, ходил ли трамвай. Она говорила, что «смутно помнит», вроде трамвай с Садовой делал какой—то поворот на Ермолаевский переулок, то есть на Патриаршие и, как будто, уходил снова на Садовую. Роман этот был написан ещё до войны. Мама жила здесь с 1933 г. После публикации романа в 1966 г., когда мама гуляла на Патриархах, её постоянно об этом спрашивали. Неужели Булгаков всё это придумал? А ведь он описывает с удивительной точностью и правдоподобием даже сцены в Иерусалиме и всё связанное с Христом так ярко, как будто он сам присутствовал при этом. Ну, прямо, сам Воланд!

Не выдумал трамвай Булгаков! Как сейчас выяснили историки Патриарших прудов, трамвай ходил до 1929 г. Многие московские «celebrates» гуляли здесь. Так я встречала знаменитую певицу Изабеллу Юрьеву. Она была ещё очень хороша, когда я её видела, а лет ей было не менее 80. Помню, что она была в каракулевой шубке с собольим воротником. Её всегда кто-то сопровождал. Гуляя с маленькой Лялей, я познакомилась со знаменитой актрисой Ленкома Е. А. Фадеевой. У нас дома у неё была кличка: «Мать Еёго». Ведь это она играла мать Ленина во всей киношной лениниане. Я не раз видела на Патриарших моего любимого артиста Ростислава Яновича Плятта. Он шёл по скверу, или по М. Бронной улице, очевидно, из театра Моссовета, к дому на углу Малой и Большой Бронной, где он жил. С годами его походка менялась. Если в 70-е годы, когда только выстроили их дом, Плятт был ещё строен и величав, то, в 80-е он уже потерял прежнюю осанку и опирался на палочку. По Патриаршим прудам гуляли или просто проходили актёры Малого театра, дом которого находился на Спиридоньевском переулке. В нашей школе учились дочери М. Царёва и Н. Анненкова.

Скажу честно. Фаину Георгиевну Раневскую я там не видела. Но... моя свекровь Лариса Захаровна, жившая с нами, была копия Фаины Раневской. Её даже в эвакуации мальчишки сопровождали криками: «Муля, не нервируй меня!» Она часто приходила домой с рассказами, что её опять приняли за Раневскую, говорили комплименты, подносили сумку до дома. Она пыталась отказаться, говорила: «Я не она», но ей не верили. Ведь все знали, что Раневская жила в Южинском переулке, рядом с Патриаршими. Ну, никто не хотел так разочароваться, что моя свекровь – не она. Она была очень хорошим человеком, но иногда я приходила в изумление её «эскападам». У неё был вариант «фетишизма», она не могла расставаться со старыми вещами. Даже, если они, казалось бы, были негодными к употреблению. Как—то она взяла какую—то очень старую кастрюльку, любимую, на дне которой образовалась дырка. И она понесла эту кастрюльку «лудить»! Я не успела её выбросить. Свекровь вернулась очень довольная «заплаткой» на дне кастрюльки. Она с гордостью рассказала, что в этой мастерской работницы были очень ласковыми и даже отказались взять деньги за заплатку. Я пришла в ужас! «Лариса Захаровна, вас же приняли за Раневскую! Представляете, в какой позор вы её ввергли! Великая Раневская „лудит“ дырку на кастрюльке для каши».

А ещё я помню, что гордостью нашего дома №8 по тогда Большому Пионерскому переулку, была кинозвезда 30—40 годов Лидия Смирнова. Она тогда жила в маленьком двухэтажном доме во дворе нашего большого «генеральского» дома. Лидия Смирнова об этом доме пишет в своих воспоминаниях. Кстати эта звезда показала свою завидную жизнестойкость и была звездой ещё в 70—80-е и даже в 90-е годы. А в нашей школе №125 училась одна из будущих звёзд советского кино Наташа Кустинская. Она обожала нашу маму, которая преподавала немецкий язык в её классе. Девочка была очень красивая, пожалуй, самая красивая в её возрастной категории в нашей «округе». Она с детства была очень популярна: на всех скамейках нашего бульвара был написан номер её телефона и комментарии. Время ужасно её изменило. Это мы видели по русскому TV.

Разнообразие в нашу жизнь вносили съёмки кинофильмов на Патриарших прудах. В 1964 г. М. Хуциев снял фильм «Мне двадцать лет» («Застава Ильича»). Некоторые эпизоды этого фильма снимались возле дома напротив нас. Я помню, как мы лежали на подоконниках

и с интересом взирали на процесс съёмок. А в 1983 г. Е. Евтушенко снимал фильм «Детский сад». Нашим прудам были приданы приметы военного времени. К нам в квартиру пришли сотрудники съёмочной группы и попросили разрешения заклеить окна бумажными крестами, как это было во время войны. А на детской площадке Бульвара поставили аэростат – огромный баллон с воздухом. Во время войны аэростаты были только на площадях, не у нас. Но художественное кино и не должно быть документальным. Я знаю, что после нашего отъезда в Израиль была громкая история с нашим бульваром. «Новые русские» пожелали всего лишь... ликвидировать пруд и построить гараж для, очевидно, «Мерседесов» и «Бентли». А ещё была идея заполнить весь бульвар изображениями героев Булгакова. Народ на сей раз не безмолвствовал. Демонстрации, митинги и другие протесты помогли отбить Патриаршие пруды! Ну, как же не вспомнить вещие слова Виссариона Белинского: «Неужели мы Иваны, не помнящие родства?» Его боль понятна.

Погуляем по улицам вокруг Патриарших прудов. Это будут улицы: Большая и Малая Бронные, Малая Никитская, Спиридоньевка. Переулки: Большой Патриарший, Ермолаевский, Гранатный и Вспольный. На Ермолаевском переулке стоит «Дом со львами». На этом месте когда-то был другой дом, обычный жилой, но во время войны его разбомбили. Здесь пленные немцы построили «псевдоампирный» трёхэтажный дом для шести маршалов (6 квартир). В 70-е годы в этом доме поселилась знаменитая певица Елена Образцова. Аня довольно часто бывала в этом доме у дочери певицы, Лены Макаровой, которая училась в том же классе.

Дом, в котором я прожила большую часть своей жизни, находится на Большом Патриаршем переулке. Трагическая судьба жителей нашего дома в сталинские репрессии – особая тема, и я рассказала о ней в разделе «Сталинская авиация».

На Б. Патриаршем переулке стоит большой дом, построенный в виде венецианского дворца. Строил дом купец Тарасов в 1912 году для своей любимой женщины. Тарасов в революцию бежал в Европу, а его сын – известный французский писатель Андре Труайя. Он описывает жизнь в этом доме в своих воспоминаниях. До войны в этом доме было немецкое посольство, так как немцы были друзьями СССР. Я ещё помню (детская память цепкая), как на бульвар выходили две девочки – немки с большой немецкой овчаркой. В начале войны их, видимо, депортировали в Германию на смену персонала советского посольства, впрочем, не знаю точно. Потом в этом доме было Польское посольство. В его честь улицу назвали – Адама Мицкевича.

Мы ежегодно с балкона, с большим любопытством взирали, как после приёма в честь Дня Независимости (или другое название) национального праздника Польши, высокие гости шли к своим машинам. В рупор кричали: «Машину посла такого-то к подъезду». Но улица была узкая, так что не все машины успевали подъехать к подъезду, и многие персоны были вынуждены идти на Патриаршие к своим машинам. Мы были в восторге, когда после слов: «Машину Аркадия Райкина», мы увидели идущего прямо мимо нас Аркадия Исааковича, тогда самого популярного человека в СССР. Недаром тогда говорили, что Леонид Брежнев – мелкий политический деятель в эпоху Аркадия Райкина. Впоследствии главы страны менялись и сменилась эпоха – это уже была «Эпоха Аллы Пугачёвой». Это здание посольства потом было отдано институту Африки. Видимо, поляки получили большее здание.

Наш дом

Другое знаменитое здание – это бывший дворец миллионера Саввы Морозова на Спиридоньевке. Это роскошный дворец с огромным садом, и даже, якобы, с озером. Здание было построено Морозовым для его жены Зинаиды. Дворец спроектировал архитектор Ф. О. Шехтель. Этот дворец имел очень большое прошлое. Савва Морозов был один из самых богатых людей России, он был меценат, и в его дворце встречались самые известные люди России, давались роскошные балы, были встречи актёров и писателей. Он был одним из основателей МХТа, заведовал его финансовой частью, был инициатором строительства здания в Камергерском переулке. В МХТе он влюбился в одну из самых красивых и интересных женщин России актрису Марию Фёдоровну Андрееву. Эта женщина – легенда. Она была женой генерала, но влюбилась в М. Горького и стала его гражданской женой. Имела связь с революционерами и по её «наводке» многие из них бывали в доме Морозова и он не жалел для них денег. Связь Морозова со всей этой компанией закончилась для него плохо. Он то ли покончил с собой в Каннах, то ли, по другой версии, был убит чуть ли ни Красиным, находившим убежище в его доме. Интересно, что наша мама, Серафима Абезгауз, была в молодости связана с М. Ф. Андреевой, когда в 20-х годах 20 века работала во Внешторге переводчицей в её отделе русского народного творчества в советском павильоне во время Всемирной выставки в Милане, где мама тогда жила. Но к этому дворцу у мамы было особое отношение. Когда наш папа был зам. возглавлявшего авиацию П. И. Баранова, в Москву приехали деятели французской авиации, и в их честь давался приём и бал в этом дворце. Мама была прелестна, красавица, знала прекрасно французский язык и была «королевой бала». В самые страшные годы арестов, войны, тревог, страха она вспоминала этот бал. Это была история Золушки наоборот – нищета после бала у короля. Идём дальше по Спиридоньевке.

Слева от дворца расположена усадьба и дом писателя Алексея Толстого. Помните – «Петр Первый», «Хождение по мукам» и другие произведения. Ограбление этого дома в 70-х годах было представлено в сериале «Охотники за бриллиантами». Напротив дома А. Н. Толстого стоит знаменитый «дом—утюг». От острого угла этого дома расходятся две улицы – Спиридоньевка и Гранатный переулок. Такой необычный фасад дома напоминает «нос» корабля, рассекающего волны. В этом доме жили многие деятели советской науки и культуры. Например, здесь жила моя одноклассница Таня Баранская. Она принадлежала к нескольким очень известным русским семьям. Так она была внучатой племянницей известного академика – географа Н. Н. Баранского, по учебнику географии которого, учились многие поколения советских детей. Мать Тани – писатель и основатель Музея Пушкина в Москве – Наталья Баранская. Она прославилась тем, что в 1969 г. (в возрасте 61 года) написала «бестселлер», опубликованный в «Новом Мире». Это была повесть «Неделя как неделя». Потрясающее произведение! Н. Баранская, очевидно, описала повседневную жизнь и Таниной семьи и семьи своего сына Николая. Это было «списано» с жизни всех нас в эти годы. Мы были ещё совсем молодыми. Как же мы пытались быть безупречными женщинами во всех своих ипостасях – жены, матери,

работника, пытающиеся ещё и быть «светскими дамами», ещё и учёными, но буквально погибающие под гнётом ужасного совкового быта. Совсем, как в анекдоте: «Чем отличается женщина на Западе от советской женщины?» Ответ: «На Западе она или жена, или любовница, или проститутка, а у нас она ещё и работает!» И ещё мы были и кухарки, и прачки, и уборщицы, и снабженцы, и т. д. и т. п. За прошедшие более 40 лет с момента прочтения этой повести, мы все помним «крючок на юбке» героини, пришить который у неё нет времени целую неделю, а юбка у героини всего одна. Этот «КРЮЧОК» стал символом женской доли в СССР.

Ну вот, мы подошли ещё к одному легендарному дому. Это дом Максима Горького. Дом этот до революции принадлежал миллионеру Рябушинскому. Построил дом архитектор Шехтель. Теперь там музей и я несколько раз там была. Он построен в стиле «Ар—деко» (модерн начала 20-го века). Дом очень интересен. Особенность его в том, что ни одна архитектурная деталь не повторяется, то есть каждая – окна, двери, дверные ручки и т. д. и т. п. выполнены в единственном экземпляре. Кроме того, там имеется необыкновенная лестница в виде «волны», которая, как говорят, описана во всех учебниках по архитектуре. Дом этот, кроме того, мистический. Много легенд об этой семье я слышала. Зловещие, пугающие истории о тесной связи обитателей этого дома с самыми страшными властными структурами СССР. Непонятные отношения невестки Горького Тимоши со страшным Ягодой, и апофеоз – замужество одной из внучек Горького (Марфы) с сыном Берия (?!). Другую из внучек – Дарью, я видела на сцене Театра Вахтангова. А однажды еще в сталинские времена поздно вечером, возвращаясь домой по Спиридоньевке (была или весна или лето), на улице, у глухого высокого забора дома Горького я увидела пару – очень красивая девушка, наверное, Марфа, сидевшая на стуле, и стоявший красивый парень. Калитка в заборе была открыта. Вероятно, это был сын Берии (впоследствии, муж Марфы).

Идём дальше. Мимо забора горьковского дома выходим на Гранатный переулок. На стыке улиц стоит величественный Храм Вознесения. Я уверена, что теперь он другой, не такой, каким он был в момент нашего отъезда (февраль 90 года). Тогда это был сарай—склад или что-то в этом роде. Тем не менее, храм был одной из главных достопримечательностей нашего района. В этом здании когда-то венчались Пушкин с Натали Гончаровой (!). А также здесь отпевали Щепкина и Ермолову – великих русских артистов. Кстати, квартира М. Н. Ермоловой находится совсем рядом, на Тверском бульваре. Там на втором этаже видны окна её квартиры, почему-то фиолетового цвета.

Дом купца Тарасова

Если пойти по Гранатному переулку, то здесь тоже есть несколько интересных зданий. Дом Архитектора – красивый оригинальный с восточным колоритом. У меня к нему приятные эмоции: там мы отмечали Валину защиту диссертации и несколько раз просто были в ресторане. А напротив Дома Архитектора сооружён, занимающий большую площадь переулка ужас-

ный гигантский монстр – дом для вождей СССР, членов Политбюро. Если посмотреть на его фасад, то на 6-м этаже окна большего размера чем на остальных этажах. Этот этаж планировался для проживания самого Брежнева. Я однажды была в подъезде этого дома, когда Аня находилась в гостях у своей одноклассницы Маши Архиповой—Байбаковой, внучки председателя Госплана СССР. Я пришла за Аней. Охрана связалась с квартирой, и Аня вскоре вышла. Моя душа была переполнена ненавистью к этим людям из-за того, что они испортили один из самых уютных переулков Москвы.

Там же в этом переулке находился знаменитый Дом Звукозаписи. Директором его раньше был отец моей подруги Лены – Владимирский Борис Давидович. Эта была семья близких нам людей и очень интересная, но о них я пишу в другом разделе.

Ещё дальше, ближе к Садовому кольцу находился один из самых зловещих и пугавших нас в детстве и юности домов – особняк Берии. Мне с детства было категорически запрещено даже приближаться к этому дому. Мама, видимо, была осведомлена о том, что было страшной тайной, открывшейся впоследствии. Там на улице дежурили «клеветы» Берии, выскивая хорошеньких девушек и даже девочек, для сладострастия этого чудовища. Глухие слухи ходили, что потом их убивали. После расстрела Берии, моя подруга Тала рассказала, что чудом избежала этой страшной участи. Она была красивая девочка, студентка, её выследили и шли за ней до её дома, а потом пытались у дворничихи узнать, в какой квартире она живёт. Дворничиха этих людей «послала», сказав, что если хотят общаться, то должны узнать сами, где она живёт. На следующее утро Тала улетала в экспедицию в Среднюю Азию, это её спасло. А тем же летом Берию расстреляли. Такими были наши детство и юность. Как мы выжили во всём ужасе той жизни, непонятно.

.Дом-уютюг

А теперь о доме на Спиридоньевке, на вид вполне стандартном без всяких видимых украшений, хотя бы встроенном на месте снесённого дома, а не как тот «монстр» в Гранатном переулке, занявший половину переулка. В этом доме жил «хозяин Москвы», первый секретарь горкома КПСС, член Политбюро В. В. Гришин. Как ни странно, но у меня имелись с ним свои «отношения». Его роль в некоторых эпизодах нашей жизни была, как у Чудовища из сказки «Аленький цветочек». Рассказываю.

Мой первый «контакт» с Гришиным был на почве катка на Патриарших прудах. Мы всю жизнь прожили на Патриарших. На пруду был каток, он работал даже во время войны. Когда дочка была маленькой, этот каток нас просто спасал. Мы за неё не волновались: Аня каталась и посматривала на окно. У нас был сигнал: если я зажигаю свет – она снимала коньки и приходила домой. Раньше наш район считался «Богом забытым» местом, но в какой—то момент здесь начали строить дома для партийно—правительственного начальства. Дети этого начальства пришли в Анину школу. И вдруг закрывают каток. Оказывается, высоким чинам

музыка мешает думать о судьбах страны. Я начинаю борьбу: пишу письма, собираю подписи, подключаю к этой суматохе своего главного врача, депутата райсовета... И вот в один прекрасный день, под Новый год приезжают рабочие и начинают ремонтировать старую раздевалку. Заливают каток совершенно хрустальным льдом, устанавливают красавицу—ёлку, развешивают объявления о торжественном открытии катка... Все мне звонят, я счастливая принимаю поздравления: справедливость восторжествовала! Мчусь к главному врачу: «Юрий Михайлович, мы победили!» Он хохочет: «В доме по соседству с вами поселился товарищ Гришин. Его внучка обожает кататься на коньках...»

Рассказываю о втором «контакте». В январе 1978 г. жесточайшие морозы поразили Москву. В нашем доме замёрз водопровод, отключился лифт. Мы попали в «блокадную» ситуацию. Мой муж Валентин таскал воду сначала из нижних квартир, но потом и у них тоже отключился водопровод. Мы вспомнили, что прямо напротив нашего дома, на Патриарших, есть туалет. Бедный Валя мужественно таскал воду на 5-й этаж (!) уже из этого туалета. Никто из ЖЭКа, райсовета, райкома КПСС и других учреждений не внимали нашим многочисленным просьбам, жалобам, звонкам, мольбам. Я человек, очень чувствительный, пришла в состояние отчаяния, плакала от ощущения безнадежности. Однажды ночью, в слезах, я позвонила в... горком КПСС Москвы! И вдруг... меня соединили с дежурным инструктором! Потряс! Я, собрав всё своё самообладание, твёрдо сказала, что мы живём рядом с домом Гришина, и что завтра утром, когда он, как и каждый день, поведёт свою внучку в ту же 20-ю школу, где учится наша дочь, я подойду к нему и расскажу про весь этот ужас «блокадной» жизни. Вы не поверите! Рано утром у нашего дома уже была толпа партийно—правительственных персонажей в длинных чёрных пальто, и тут же начались работы с нашим водопроводом. Вот вам и польза от КПСС.

Дом со львами

Наконец, моё визуальное «знакомство» с Гришиным произошло, когда моя племянница Ляля была ещё совсем малышкой (1984—1985 гг.), я часто гуляла с ней на Патриарших, освобождая для сестры Лены время для домашних дел или отдыха. Итак, мы гуляли с Лялей на Патриарших. Ляля что—то копала на газоне, я сидела на скамейке. Вдруг, как будто буря напала на наш сквер, забегали какие-то люди, было что-то непонятное. По наружному краю сквера – по улицам, поехали машины с мигалками, появилась «туча» то ли военных, то ли милиционеров. Оказалось, что «хозяин Москвы» вышел на прогулку. Это было то ещё зрелище. Впереди, по бокам и сзади шла охрана. «Сам» шёл рядом с женой, друг к другу они не прикасались, шли очень чинно и важно, в длинных пальто. По наружному квадрату бульвара, по улицам, с минимальной скоростью, в соответствии с движением «хозяев» шла машина милиции со всеми «причиндалами» и шёл ЗИЛ, не знаю, какого выпуска. Ляленька не подняла головы, продолжала копать, а я «квадратными» изумлёнными глазами взидала на это шествие.

Идём по М. Бронной улице. Здесь находится школа №125, в которой я училась, в этой же школе училась Лена и работала мама, преподавала немецкий язык. Мамина красота, обаяние, артистизм нашли своё прекрасное применение в сфере преподавания. И, конечно же, она великолепно знала язык, была выпускница Берлинского университета. Школа была девичья. Маму обожали все ученицы. Они часто приходили к нам домой, а при встрече с мамой обнимали и целовали её. Одна из маминых подруг звала их «симины внучки». Мама дружила и с родителями своих учениц, и эта дружба была очень крепкой и многолетней. В школе нас воспитывали так, как будто мы были дворянские дети: была введена школьная форма, в точности как дореволюционная, нам преподавали «рукоделие», нас учили танцевать балльные танцы, мы изучали французский язык. С чем была связана такая «дворянизация» нашей учёбы, непонятно. Возможно, что у Сталина была мечта возобновить в России тот образ жизни, который был до революции. Наверное, эта мечта преследовала его с детства. Но это мои предположения. Жизнь всех нас в те годы была очень бедной. С 8-го класса образование было платным. Мы с Леной были освобождены от платы как дети учительницы. Надо сказать, что все девушки, окончившие наш 10-й класс, получили высшее образование.

Дворец Рябушинского (Дом-музей М. Горького)

Напротив школы находился Еврейский театр (ГОСЕТ). О его роли в моей жизни я написала отдельно, в разделе «Моя вовсе не счастливая юность». Теперь театр называется «Театр на Малой Бронной». От Малой Бронной отходит Большая Бронная, как буква Т. В самом начале Б. Бронной стоит многоэтажный дом, построенный в 70-е годы для деятелей искусства и литературы. В нём жило очень много знаменитых людей: это были такие «титаны», как пианист Святослав Рихтер, артист Ростислав Плятт, режиссёр театра Сатиры Валентин Плутчек, балетмейстер Надежда Надеждина – создатель легендарного танцевального коллектива

«Берёзка», руководитель военного хора и композитор Александр Александров, Юрий Никулин и другие знаменитости.

В этом доме жил и тогдашний председатель Литфонда Алим Кешоков, народный поэт какой-то республики. Его внучка Надия училась в одном классе с Аней. Надия обладала удивительными способностями к стихосложению. Она могла «озвучить» любую вещь, любой материал, который они проходили в школе. Когда они учились ещё в 4-м классе, на Анин день рождения Надия написала стихотворение каждому из детей. Я была в удивлении и восторге. Но однажды стихи Надии повергли меня в ужас. Девочки, Надия и Аня, с гордостью прочитали мне:

«Задают нам Конститушён,
Конститушён нам не нужен,
Нам бы лучше поиграть,
Конститушён под кровать.»

И такие стихи в период эпохи застоя и царствования КГБ!

Идём дальше по Б. Бронной по направлению к Тверской улице (быв. ул. Горького). По пути, справа находится синагога, которая когда-то примыкала к Еврейскому театру. Я помню ещё то время, когда мама покупала там мацу к еврейской Пасхе. А потом в конце 40—х годов, в годы гонения на евреев и ликвидации Еврейского театра, синагогу тоже ликвидировали. Вместо неё сделали Дом народного творчества. Чем там занимались, я не знаю, так как у меня было неприятие смены функции этого здания, я туда не ходила. Где-то в 1991—1992 гг. это помещение вновь стало синагогой. Теперь там идёт служба и, насколько мне известно, оказывается благотворительная помощь евреям—пенсионерам. И моя сестра Лена и кузен Леонид туда регулярно ходят.

Дальше по Б. Бронной справа остаётся задний фасад Театра им. Пушкина. Раньше, до конца 40-х годов, это был знаменитый Камерный театр, во главе с режиссёром Таировым и с великой актрисой Алисой Коонен. В детстве я бывала в этом театре, но Алису Коонен увидела гораздо позднее, когда она играла в какой-то древнегреческой пьесе то ли «Медее» то ли «Федра». Спектакль шёл в концертном исполнении. Но это уже было не в театре, а в другом помещении. В конце 40-х годов Камерный театр разделил судьбу Еврейского театра, так как его так же ликвидировали.

Мама рассказывала, что она в эти годы встречала Таирова и Коонен на Тверском бульваре. Они с тоской смотрели на «свой» театр.

Идём дальше. Здесь где-то есть дом, в котором находилось учреждение, одно название которого повергало в ужас почти всё население СССР. Это был ГУЛАГ, главное управление лагерей! После книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» это зловещее слово знает весь мир. Потом в этом доме сделали музей МВД. Мы с Валею пытались даже туда зайти, но не удалось.

Дворец Саввы Морозова (Дом приёмов МИД РФ)

Перейдём во Вспольный переулок, где находится самая элитная школа в бывшем СССР. Теперь я предоставляю слово нашей Ане, которая училась в этой школе и рассказала о ней в интервью уже в Израиле.

«Про 20-ю московскую школу знают все, по крайней мере, все москвичи. Со мной в классе учились: дочь Елены Образцовой, внучка председателя литфонда Кешокова, внук редактора «Вечерней Москвы» Индурского, сын Никиты Михалкова Стёпа, ещё у нас училась внучка Байбакова, председателя Госплана СССР.

«Хозяин Москвы» Гришин, построил для любимой внучки, а заодно для всей школы, шикарный бассейн, роскошный концертный зал, снабжённый супер-киноаппаратурой – такой не было даже в Доме кино. Просмотры всех «крутых» фильмов проходили в нашей школе: во-первых, у нас учились дети всех актёров, во-вторых, такой аппаратуры больше нигде не было. На премьеру «Тегеран—43» к нам приезжал Ален Делон. Дочка Белохвостиковой тоже училась с нами. Никита Михалков все свои картины у нас показывал.

Как-то я, активистка, организовала для всего класса поездку в Таллинн. Всё уладила, осталась только маленькая деталь – билеты на поезд, которые в то время были жутким дефицитом. Сидим, плачем – как достать билеты? «В кустах» оказалась Маша, внучка Байбакова. Приносит нам всем билеты в 15-й вагон. Являемся на вокзал всем классом, родители провожают... Подходим к поезду – 14 вагонов?!

Вдруг видим – из депо выезжает белоснежный шикарный вагон, шире всех остальных. Красоты невероятной. Загружают нас всех в этот дворец. Купе на двоих, в каждом туалет, телевизор...

А 8 Марта мы хотели поздравить учительниц, но кроме «обсмоктанных» гвоздик в цветочных магазинах ничего не продавалось. Пришла на помощь та же Маша. Привозят её 8 марта, как всегда, на машине, и выгружают грандиозные букеты. О существовании подобных в «совке» тогда просто не подозревали. Розы, гвоздики, гладиолусы – вся школа была в шоке от «коммунистических подарков».

От мамы: «Эта школа была типа „потёмкинской деревни“ для высокого руководства, так как в школу привозили „на посмотреть“ жён руководителей государств, приезжавших с визитами в СССР. Так называемая „женская программа“. Школа вполне справлялась с этой функцией». Даже королева Елизавета посетила школу где-то в 90-е годы, когда мы уже жили в Израиле, но в этой школе ещё училась моя племянница Ляля.

А теперь Патриаршие пруды показывают по телевизору почти каждый день. Я хочу завершить своё повествование о Патриарших прудах стихами моего друга Анатолия Воробьёва. Это

отрывки из его поэмы «Патриаршие пруды», написанной в 1964 г. Эти стихи не были напечатаны, но мне они дороги.

«Наш дом, как океанский пароход,
Темнел над Патриаршими прудами.
Отсюда в трудный жизненный поход
Мы уходили разными путями.
Но как бы ни сложились наши дни,
Куда б нас не забросила судьбина,
Сквозь непогоду посылал огни.
Наш добрый и приветливый домина.
Могилы друзей разбрелись по военным дорогам,
На них неприметно фанерные звёзды стоят,
И страшно подумать, как много погибло до срока
Хороших, московских, с прудов Патриарших ребят.
Но вот салютов кончились огни,
Военные отговорили марши,
И потекли обыденные дни
В квартирах, на прудах, на Патриарших.
Сердце Москвы, в твоих уголках затаённых
Далёкие годы свои сохранили следы,
И стали давно уже гаванью многих влюблённых
Под сводами лип Патриаршие чудо-пруды.
Становимся мы постепенно умнее и старше,
Но если захочется детство припомнить в тиши,
На тёмной скамье, у заснувших прудов Патриарших
Вгляни на тропинки своей беспокойной души.

Сталинская авиация в нашей жизни

Наш отец – папа – Герц Зиновьевич Алмазов—Зорохович. Он – предмет нашей гордости, любви, нашего горя и комплексов. Это – действительно «наше всё». Мы – это я, моя мама, младшая сестра Лена, и наша третья (сводная) старшая сестра Белла, трагически погибшая в 1972 г. с мужем и сыном в самолёте, упавшем в Чёрное море возле Адлера. И это – ещё горе.

Наш папа родился в 1893 г. в местечке Яблонево на Украине. Был прапорщиком в Первую Мировую войну. В 1918 г. вступил в партию большевиков. В Гражданскую войну был комиссаром Украинского отряда коммунистов. Словом, такая биография, какую имело большинство новой элиты молодого государства СССР. Учился в Военно-Воздушной академии им. Жуковского, выпуск 1928 года. И стал одним из организаторов советской авиационной промышленности. Блестящий ум, образованность, организованность, качества лидера, сделали его ведущим специалистом по авиационным моторам. Но авиамоторов в стране в начале 30-х годов ещё не было, их надо было закупать за границей, и по их примеру создавать свои моторы. Папу назначили председателем Государственной закупочной комиссии. Он много работал за границей (Германия, Франция) во славу сталинской авиации.

Наркомата авиационной промышленности ещё не было. Вся оборонная промышленность была сосредоточена в НКОП – Народный комиссариат оборонной промышленности.

Наркомом был Серго Орджоникидзе. Папа был заместителем Петра Ионовича Баранова – руководителя авиационной промышленности. П. И. Баранов погиб в какой-то, как тогда писали «нелепой» авиакатастрофе. Когда, впоследствии, этот наркомат разделили на четыре части, то Наркоматом авиационной промышленности руководил Михаил Моисеевич Каганович, брат Лазаря Моисеевича. А папа стал директором авиазавода №20 (нумерация менялась). А ещё он был доцентом в МАИ – преподавал моторостроение.

Брак с нашей мамой был вторым. У папы уже была жена и росла наша сводная сестра Белла. Но произошла какая-то романтическая история, папина жена влюбилась в его друга, тоже авиационщика, К. Беляевского, и она оставила папу. Судьба К. Беляевского тоже была трагична. В 1937 г. он, опасаясь ареста, покончил собой, отравившись газом. Я думаю, что такой вид самоубийства он избрал, чтобы не было подозрений в самоубийстве и семья не пострадала бы. После смерти Беллы мы связаны с братом Беллы Игорем.

Спустя несколько лет папа встретил нашу маму, которая приехала из Италии и работала переводчиком в Главном управлении авиационной промышленности. Не влюбиться в маму было невозможно. Она была ослепительно красивая, обаятельная, весёлая, очень образованная, владела многими иностранными языками. Они поженились. Родилась я, а через 5 лет – Лена. Я думаю, что всё в жизни предопределено, наверное, что-то особенное было, в том, что мы родились в такой необычной семье. После моего рождения в 1933 г. в семье было несколько лет счастья, если оно было возможно вообще в то время.

Игра с родителями Симой и Герцем (Григорием) Алмазовым

Окружение наших родителей составляли генералы авиационной промышленности. Конструкторы: Туполев А. Н., Архангельский А. А., Илюшин С. В., Яковлев А. С. Друзьями были и соседи – коллеги, директора авиационных заводов, начальники главных управлений Наркомата авиационной промышленности: И. Кацва, И. Марьямов, Н. Харламов, Г. Королёв, И. Побережский и другие. Они создавали советскую, «Сталинскую авиацию». Все интересные, умные, образованные люди. Они – настоящие мужчины, прошедшие Первую Мировую и Гражданскую войны. Их жёны – молодые в то время, тоже достойные партнёрши таких мужей. Это один круг, у них одни интересы. Им хорошо вместе, им бывает весело на совместных, как теперь сказали бы, «корпоративках». И... «все ещё живы». Это – элита советской авиационной промышленности. Это – цвет народа. Такая же элита была и в других отраслях промышленности.

Судя по рассказам родных и друзей родителей (чудом уцелевших), и по редким фотографиям, я была милым, развитым ребёнком. Кругом разговоры о достижениях авиации, об испытаниях, полётах. Наверное, я всё слушала и впитывала. В семье была легенда, что свою первую внятную фразу я сказала, где—то в два года. Летая на качелях, я воскликнула: «Коккинаки полетели!» Владимир Коккинаки был одним из первых советских асов, лётчиков—испытателей. В то время он совершил какой-то особенный перелёт.

Жизнь нашей семьи, по тем временам, была прекрасно устроена. Трёхкомнатная квартира в новом доме НКАП на Патриарших прудах. Дом построен для генералов авиационной промышленности и авиа-инженеров. Дом был своеобразным. Он был как бы кооперативным, и жильцам разрешалось занимать столько места, сколько они хотели, и планировать свои квартиры, как хотели.

У меня была няня – Аннушка, про таких домработниц сын маминой подруги как-то сказал, что они «остатки крепостного права». Мама в то время не работала, вела светскую жизнь. У папы был шофёр – Тимофеевич. Летом он, его жена и дочка Веста жили с нами на даче. У них был отдельный домик, а с Вестой я дружила. Дача была государственная, на станции Малаховка. Я помню, что у папы были две машины, но не одновременно, а вначале «Эмка», а потом «ЗИС». 10 января 1938 г. родилась Лена, и я была счастлива, что у меня есть сестричка, о чём я мечтала.

В семьях маминых родителей, сестёр и братьев тоже благополучие. Тётя Минна замужем за Андреем Михайловичем Бодровым, он – директор Первого шарикоподшипникового завода. У них растёт сын – Леонид, наш кузен. У сестёр мамы есть мужья. Дяди – молодые, умные, образованные, целеустремлённые. Все – блестящие. Дедушка и бабушка живут у тёти Иды в Серебряном Бору. Она – главврач детского санатория по профилактике рахита, пишет диссертацию. У неё есть муж и падчерица Люба. Словом, у всей семьи есть убеждение, что они не зря покинули Ригу, где жили до 1931 г.

Но... приближались окаянные годы в жизни всех моих родных, как и миллионов других людей. Мама мне рассказывала много позже, что в одну из ночей 1936 г. ей приснился «про-роческий» сон. Как будто она входит в какое-то помещение и видит много чемоданов, и эти чемоданы начинают падать, и падают на неё. Мама очень испугалась и во сне стала кричать. Она кричала так громко, что несколько наших соседей прибежали, стали звонить и стучать в дверь, и все они были с револьверами. Этот страх был неспроста. Начинались репрессии, вернее шквал их.

Я не знаю, по какой логике отдавались приказы об аресте директоров авиазаводов. Страной правил не человек, а каннибал или дракон. Для его счастья нужно было уничтожить 20 млн. человек!!! Это же население целой европейской страны!

Принцип управления Сталина страной был чудовищным. Если в любых отраслях промышленности, и, в частности, авиации, возникали какие-то неудачи, неполадки, то был закон – начальника арестовывают и... расстреливают. Как мог народ жить и работать в таких условиях?! Неужели, потому что правды не знали, все верили фальшивой информации и лозунгам?! А ведь Сталин теперь – «эффективный менеджер».

Анна Ахматова писала в «Реквием»... «и несчастная корчится Русь под кровавыми сапогами и под шинами чёрных „марусь“». Арестов было так много, и это было так ужасно, что люди, уцелевшие в лагерях, говорили, что «ещё до начала войны с фашизмом у нас был свой Освенцим и свой Бухенвальд».

В нашей семье погибли: наш папа, дядя Шай и дядя Моня, мужья моих тётъ. Дядя Боря был в лагере в Воркуте, тётя Минна провела 17 лет в тюрьмах, лагерях и ссылке, тётя Соня была в тюрьме и ссылке с 1951 и до 1954 г. – амнистии после смерти Сталина. Какой ужас перенесли мои родители, дяди, тёти. И это убило мою бабушку. А какой генофонд был уничтожен?! А переживания нас детей, наши страхи, наша жизнь с клеймом «детей врагов народа».

Советская авиация в 30-х годах, безусловно, отставала от авиации главного супостата СССР – Германии. В этом убедились во время войны в Испании, где Германия помогала Франко, и дала ему свою авиацию. Война республиканцев против фашизма была проиграна. Советская авиация показала свою несостоятельность. Реакция Сталина была однозначной – всех арестовать и... расстрелять.

Одним из первых репрессированных в 1937 г. был... Андрей Николаевич Туполев, человек масштаба Ренессанса! Его можно сравнивать с Леонардо да Винчи! 100 видов самолётов! Его арестовали 21.11.1937 года. И четыре года этот титан был в тюрьме и подвергался пыткам. И его жена Юлия Николаевна тоже была арестована.

На наш дом на Патриарших прудах обрушился шквал репрессий. Были арестованы и расстреляны друзья папы – директора авиазаводов: Г. Королёв, И. Кацва, И. Марьямов, Н. Харламов, И. Побережский. Это только те, о которых я знала. О чём помню и знаю, расскажу.

Папу первый раз арестовали летом 1938 года. Почти год он пробыл в тюрьме, в совершенно нечеловеческих условиях. И вдруг... папа вернулся. Я помню только этот короткий период общения с ним до его повторного ареста 4.06.1941 г. Ордер на арест был подписан самим Берия. После мук первого ареста папа был очень болен. Я помню, он лежал в клинике Первого Медицинского института, где мы с Леной впоследствии учились. Моя сестра Лена, которая на 5 лет меня моложе, совсем не помнит папу, и это её боль на всю жизнь.

Впоследствии, когда мы познакомились с одним из друзей папы – С. Млынаржем, который был с папой в тюрьме, он рассказал: когда папа был в тюрьме, ему сообщили, что А. Н. Туполев потребовал его участия в работе секретного конструкторского бюро. Это было вскоре после начала войны. Несостоятельность советской авиации была подтверждена в самом начале войны. Тогда Сталин, видимо, спохватился. Директора главных авиационных заводов и авиаконструкторы к тому времени были репрессированы, а большинство уже расстреляно. Тогда возникла идея создания секретного, тюремного авиаконструкторского бюро. Вообще же,

такие бюро были в СССР ещё в 30-х годах. В одном из них работал один из крупнейших советских авиаконструкторов Н. Н. Поликарпов.

К счастью в 1941 г. был жив А. Н. Туполев. История создания и работа в условиях «Туполевской шараги» – так назвал её сам А. Н. Туполев, очень интересно и впечатляюще описана в книге Л. Д. Кербера под этим названием. Папа, к сожалению, был очень болен и не смог работать в этом бюро. Но ему смягчили условия пребывания в тюрьме. 14 июля 1942 г. он умер в городской больнице г. Пензы. Его могилу разыскать не удалось. А 23 февраля 1942 г. (в разгар войны!) был расстрелян друг папы, тоже директор авиазавода – Борис Акимов. О семье Акимовых я напишу отдельно.

Я хочу сказать, что наша мама во все эти страшные годы, сделала всё, чтобы сохранить в нас любовь и восхищение папой. Она не развелась с ним, как это делали многие другие жёны, она рассказывала нам о тех событиях из жизни папы и авиации, которые она знала и помнила. И всех удивляло, что на двери нашей квартиры была табличка «Г. З. Алмазов». Мама не сняла её, и она сохранилась на двери до сих пор.

Есть целый сюжет о нашей квартире, где мы продолжали жить в доме Наркомата авиационной промышленности. После первого ареста папы у нас отняли самую большую комнату в квартире. Там поселили семью Решиных, тоже репрессированных. Когда папа вернулся, комнату нам вернули. Потом, после второго ареста, её забрали снова, и мы 20 лет жили в своей же квартире в условиях коммуналки. Соседи менялись. Одной из них была семья Соболев, репрессированного работника авиационной промышленности, который чудом уцелел; его освободили, вероятно, по болезни. Подробности не знаю. Они были странные люди, вероятно, из-за такой трагедии. Но как только началась реабилитация, поскольку он был жив, его сразу же реабилитировали. Надо сказать, что в первые годы реабилитации была даже попытка возвращать отнятые квартиры. И семье Соболев вернули их же квартиру в нашем доме. Но очень быстро власти поняли, что в реальности возвращение квартир практически невозможно, и это решение отменили. Наша мама была так запугана, что она даже боялась подавать запрос на папину реабилитацию. Решение об этом мы получили из Министерства авиационной промышленности (а, может быть, из Верховного суда, точно я не помню). Когда это произошло, вернуть комнату было уже невозможно. Нашими соседями после семьи Соболев была прекрасная семья Савчуков. Иван Леонтьевич работал в авиационной промышленности, его жена Анастасия Васильевна была врач. У них был сын Юра – ровесник Лены. Нам с ними было очень комфортно. Анастасия Васильевна всегда мечтала о девочке и очень любила нас с Леной.

Так продолжалось лет семь. И вдруг однажды, когда я была в квартире одна, позвонили в дверь, я открыла. В дверях стояли мужчина и женщина. Они сказали, что пришли смотреть комнату Савчуков, у них есть ордер, а Савчукам дают квартиру. Я очень твёрдо сказала, что я их не впускаю, так как комната вообще-то наша и была несправедливо отобрана. Я, конечно же, обиделась на Савчуков, что они не сказали нам об этом, хотя я понимала, что им очень тесно. В этот момент в Москве из нашей семьи была только я одна. Мой муж Валя уехал в командировку, а мама и Лена отдыхали на юге. Друг нашей семьи Михаил Ильич Оратовский, знавший всю ситуацию, посоветовал мне идти к министру авиационной промышленности. Я позвонила в министерство, меня соединили с секретариатом министра – Петра Васильевича Дементьева. Я встретила секретаршу министра. Она очень благожелательно ко мне отнеслась и сказала, что назначит мне встречу с министром. Когда я пришла на назначенную встречу, то мне сказали, что министр не может меня принять, но будет говорить со мной по телефону. Я спустилась в «лобби», где были телефонные будки с сиденьями, меня соединили с министром. Я жутко волновалась, почти плакала. Запинаясь, я сказала, что я Алмазова, что я дочка... Министр прервал меня и сказал: «Детка, про вашего отца вы мне не рассказывайте, я молодым инженером начинал свою работу на его заводе». Тут уж я расплакалась. Он спросил, какая у меня проблема. Я рассказала об этой истории с нашей квартирой. Он задал мне пару вопросов

и сказал: «Не волнуйтесь, у вас с квартирой будет всё в порядке!» Вдохновлённая, я вернулась в секретариат, и мне дали телефоны двух (а может больше, не помню) великих конструкторов А. Н Туполева и А. А. Архангельского. Кажется, когда вернулась из отдыха мама (ситуация была форс-мажорная, и она вернулась сразу же) ей дали координаты Ильюшина и Яковлева.

И ещё был волнующий эпизод. Мама пошла на квартиру Туполевых, так как раньше была дружна с его женой Юлией Николаевной. Дверь открыла домработница. Мама спросила, может ли она видеть Юлию Николаевну, и вдруг из глубины квартиры раздался крик: «Симочка, Серафима Львовна!» и вбежала Юлия Николаевна, она узнала маму по голосу. Комнату нам вернули. Впоследствии и Туполев, и Архангельский очень помогали нам. Правда, мама старалась обращаться как можно реже. От Туполева и Архангельского приходили маме постоянно поздравления с праздниками...

Кстати, у папы была довольно большая родня. Так, его двоюродным братом был кинорежиссёр – Леонид Луков. Он создал такие фильмы, как «Большая жизнь», «Два бойца», «Разные судьбы» и многие другие. Мама в те страшные годы не звонила никому, а общалась только с теми, кто сам этого хотел и не боялся общаться с нами. Луков не звонил. Связи не было. Но когда я приехала в Израиль, мне рассказали, что по радио выступала сестра жены Лукова и рассказывала про нашего папу. Мне она тоже звонила. Стало почётно иметь репрессированных родственников.

Из моего «контакта» с наркоматом авиационной промышленности был такой сюжет. Как я уже писала, папу арестовали 4 июня 1941 г. 22 июня началась война, и почти в те же дни маме позвонили из Наркомата и предложили отправить меня в пионерлагерь в Звенигород. Мама согласилась. Нас собрали во дворе наркомата, там я увидела Свету Дорфман из нашего дома, но она была в старшем отряде, а я в младшем. Нас посадили в автобус, и мы поехали на... Запад, навстречу немцам! Я помню эту поездку. Параллельно с нами двигались войска на фронт! Нам махали руками солдаты (тогда – красноармейцы), которых везли на грузовиках. В лагере я пробыла дней девять, я успела увидеть ещё открытие лагеря и даже участвовать в какой-то сценке из американской жизни! Я играла девочку, а Света Дорфман мою маму. Там был какой-то забавный диалог. Зато у меня был дебют на сцене! Но шла война – немцы приближались к Москве. На каждой линейке объявляли фамилии детей, которые должны были собрать вещи и ехать в Москву. Настала и моя очередь. Я помню, что сама собирала свои вещи, и чуть не забыла всю свою обувь. (!) Мама меня встретила у наркомата. Москва готовилась к войне и бомбёжкам. Окна уже были заклеены крест—накрест бумагой.

Я хочу рассказать о том, что я знаю о наших соседях по дому, арестованных директорах авиазаводов и их детях. Как я теперь установила по Интернету, первым был арестован и расстрелян Г. Н. Королёв. Он был каким-то очень важным человеком в авиапромышленности. И был директором завода №26. Они жили под нами. Их квартира занимала целый этаж. У него была дочка Татуся, старше меня. Её после ареста отца поселили в какую-то тёмную комнатку, а у неё был туберкулёз. А их квартира была превращена в ужасную коммуналку с одним туалетом! Но Татуся сумела выучиться на рентгенотехника и впоследствии работала в 1-м Медицинском институте, и мы с ней общались. Она была очень добрая, и я иногда обращалась к ней за помощью и советом. Она всегда помогала. После реабилитации отца ей дали двухкомнатную квартиру.

Н. Харламов, – он был директором не более и не менее как ЦАГИ. ЦАГИ – это Центральный аэрогидродинамический институт. Без обследования на аэродинамической «трубе» не выходит в полёт ни одна модель самолёта. Этого человека расстреляли.

У меня был такой эпизод. Когда я готовилась к защите диссертации (я была в заочной аспирантуре Центрального института усовершенствования врачей), была научная конференция. Программа выступлений была напечатана и роздана заранее. После моего доклада, ко мне подошла молодая женщина и спросила: «Скажите, вы Ирина Григорьевна?» Я сказала, что

в быту моего папу звали Григорий Захарович, хотя его имя было Герц Зиновьевич и, поэтому, я – Ирина Герцевна. Она мне сказала: «Я – Наталия Харламова». Я была изумлена, их семья исчезла из нашего дома после ареста её отца. Но, видимо, она знала моё имя и фамилию. Она тоже врач – мы с ней иногда перебивались.

И. Побережский. Он был расстрелян. У него оставался сын Витя. Чудовищный парадокс! После войны в коридоре школы №125, где я училась, висела памятная доска: «Они погибли за Родину», и там было фото Вити Побережского.

Герц Зиновьевич Алмазов

Семья И. Кацва. Это были наши друзья. Они жили в соседней квартире. Исаак и Ида. У них не было детей. А они очень хотели ребёнка. В 1936 г. была война в Испании. Известно, что республиканцы были побеждены. Детей республиканцев эвакуировали в СССР. Корабли везли их в Одессу, а оттуда – в Москву и другие города. Я была совсем маленькая, но хорошо помню, что вблизи нашей дачи был интернат испанских детей. Мы с мамой поехали туда. Я только помню, что мама говорила с детьми по-итальянски, а он близок с испанским. Дети были счастливы. Наверное, они очень тосковали по дому и родителям. Так вот. Семейство Кацва искали ребёнка, ездили по детским домам. И однажды в одном из них в комнату вбежал малыш лет трёх, очаровательный, черноглазый, весёлый. Ида Исаковна рассказывала впоследствии, что этот ребёнок «вошёл к ней в сердце». Она хотела только его. Но усыновить его было не так просто. Оказывается, что усыновлять можно только детей, о которых было известно, что они сироты. Для этого «Красный крест» должен был получить всю информацию в Испании. Ведь он был испанец – Альфонсо. Они ждали несколько месяцев и, наконец, усыновили мальчика. Он стал Александр Исаакович Кацва. Они были счастливы. Но Исаак Кацва был арестован и расстрелян. Ида и Алик остались одни. Их выселили из квартиры, дали какую-то комнатку. Они уехали в Ленинград, где жили её мама и сестра, и какие-то ещё родные. Время шло. Ида очень любила Алика. Когда ему исполнилось 15 или 16 лет, она попросила, чтобы его устроили в военное училище. Испанское землячество было особым. Этим детям, даже усыновлённым, помогали. Его взяли в военное училище. Но Ида должна была сказать ему правду. И что она – не его биологическая мать, что он не еврей, а испанец. Это было очень драматично. Алик был в шоке, плакал, сердился на Иду, зачем она ему это сказала. Он ведь так её любил, и очень чтит память отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.